

29. Strigankova Ye. Yu. Kommunikativnaya lichnost v politicheskom prostranstve informatsionnogo sotsiuma [Communicative personality in the political space in-formational society]. *Vlast* [Power], 2012, no. 11, pp. 27–30.

30. Chumakov A. N. Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [Towards Civil Society]. *Vestnik RFO* [The Bulletin RFO], 2011, no. 4 (60), pp. 8–11.

КОНЦЕПЦИИ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Юсупова Лариса Маратбековна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: yusupovalara@gmail.com

В статье рассматриваются основные отечественные социально-философские концепции, исследующие феномены утопии и антиутопии и посвященные их мировоззренческим и культурным корням, а также влиянию на общественное и личностное развитие. Автор выделяет большую критическую традицию осмысления утопии в российской социально-философской мысли, берущую начала у русских дореволюционных писателей и философов, продолжавшуюся в советское время и сохранившуюся в настоящий период. Приводится обзор ключевых отечественных исследователей утопических социальных моделей, как классических, так и современных, что демонстрирует актуальность изучаемой проблемы независимо от текущей исторической эпохи. Большинство из исследователей заключает в целом негативный характер утопии как социально-культурного явления, формирующего ложные и антигуманные общественные идеалы. Антиутопия служит инструментом раскрытия сущности и целей утопии путем художественного разоблачения различными литературными приемами и может рассматриваться как отдельный социально-философский метод исследования. Автор приходит к выводу об экзистенциально-гуманистическом понимании отрицательных утопических тенденций в изучении данной проблемы российскими писателями и философами, которое основывается на глубоком духовно-нравственном осмыслении человека как свободного и самоценного существа, традиционно свойственного всей русской культуре.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, дистопия, негативная утопия, человеческая идентичность, свобода, идеальный мир

THE CONCEPTS OF UTOPIA AND DYSTOPIA IN RUSSIAN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

Yusupova Larisa M., Post-graduate student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: yusupovalara@gmail.com

This article discusses the basic domestic socio-philosophical concepts explores the phenomenon of utopia and dystopia dedicated to its ideological and cultural roots and its impact on the public and personal development. The author highlights the most critical tradition understanding utopia in Russian social and philosophical thought that originated in the pre-revolutionary Russian writers and philosophers which lasted during the Soviet era, and is preserved in the present period. An overview of key domestic researchers utopian social models, both classical and modern which demonstrates the relevance of the problem in question regardless of the current historical era. Most of the researchers conclude in general negative essence of utopia as a socio-cultural phenomenon forming false and inhuman social ideals. Dystopia is an instrument for the researching core and goals of utopia by exposing various literary techniques and can be considered as a separate social-philosophical method of investigation. The author concludes the existential-humanistic understanding of the negative utopian tendencies in the study of this problem by Russian writers and philosophers which is based on

a deep spiritual and moral understanding of man as a free and self-valuable creature traditionally inherent in the entire Russian culture.

Keywords: utopia, anti-utopia, dystopia, negative utopia, human identity, freedom, ideal world

Утопии страшны тем, что они сбываются
Н.А. Бердяев

В XX в. происходят насыщенные драматизмом общественные изменения, существенно трансформировавшие человеческую цивилизацию. Магистральные идеологические течения XX в. создали грандиозные утопические концепции, отражающие оригинальный порядок общественного развития и обуславливающие его ближайшее будущее, и для реализации которых требуются миллионы человеческих жизней. Социальные трансформации современного мира приводят к возрождению интереса к социальной парадигме будущего, прогностическим проектам, в частности, к утопическим замыслам создания «совершенного мира» и антиутопическим представлениям свершения идеального мироустройства. Очевидно, что кроме своих приверженцев, утопия имела и критиков, считавших утопические надежды необоснованными и губительными для людей. Их идеи нашли воплощение в антиутопии как последовательном отрицании мнимого характера всеобщего человеческого счастья, предложенного утопистами. Выдвинутые утопистами и их критиками альтернативные сценарии будущего стали частично сбываться. Так, по мнению Ж. Бодрийяра, антиутопические пророчества уже свершились: это «случилось с нашими мечтаниями, находящимися под радикальным знаком антикультуры, ниспровержения смысла, деструкции разума и конца репрезентаций, – вся эта антиутопия, которая вызвала в Европе столько теоретических, политических, эстетических и социальных конвульсий, так никогда в действительности и не реализовавшаяся (май 68-го последний тому пример), воплотилась здесь, в Америке, более простым и более радикальным образом. Здесь реализовалась утопия, здесь реализуется антиутопия: антиутопия безрассудства, де-территоризации, неопределенности субъекта и языка, нейтрализации всех ценностей, конца культуры» [3, с. 175].

В нашей работе мы рассмотрим основные концепции утопии и антиутопии в российской социально-философской мысли.

Одним из первых отечественных критиков утопий был Ф. Достоевский. В своей повести «Записки из подполья» он замечает, что идеал, к которому стремятся утописты, лишает человека свободы выбора, навязывая определенную модель поведения. «Хрустальный дворец» с всеобщим благоразумием приводит к потере «самой выгодной выгоды», а именно – самостоятельного хотенья. Но, отмечает герой, человеческая сущность такова, что ей свойственно не только стремление к порядку и благоденствию, но и к разрушению, боли и отчаянью: «Да осыпьте его всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращении всемирной истории, – так он вам и тут, человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает» [5, с. 73]. И посему предпочтительным для человека может оказаться не «Хрустальный дворец», а именно «подполье».

Критика утопии наблюдается и в работах Н. Бердяева. Согласно его мнению, утопии осуществились на практике, но, вместо обещанного счастливого мира для всех, привели к рабству. Отличительная особенность утопий заключается в ее целостности, с которой тесно связана проблема свободы. Но утопия и свобода несовместимы, так как свобода предполагает наличие выбора, «усилие духа», возможность зла. Именно свобода и является, по мнению Бердяева, самой несбыточной утопией. Утопические мечтания присущи людям: в любой ситуации, унижающей его экзистенцию, человек стремится к достижению идеала, устремляется в утопические гре-

зы. Но достигнутый совершенный мир может привести к внутреннему трагизму человеческой жизни. Включающая в себя элемент лжи социальная утопия, однако, необходима как движущая сила. Бердяев констатирует, что осуществление утопий возможно, но в извращенном, искаженном виде, полностью поглощающей человеческую свободу: «Совершенным и гармоничным может быть лишь царство Божие, царство Духа и не может быть царство Кесаря; мыслить его можно лишь эсхатологически. Совершенный и гармоничный строй в царстве Духа вместе с тем будет царством свободы. Совершенный же и гармонический строй в царстве Кесаря будет всегда истреблением свободы, что и значит, что он не может быть осуществлен в пределах этого мира» [2, с. 355].

Исследователи Р. Гальцева и И. Роднянская в своей работе «Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий» отмечают, что для утопии характерна созерцательность, видение снаружи: мы видим столько, сколько нам дают видеть. Антиутопии же рисуют мир изнутри глазами одного из «облагодетельствованных». Антиутопический роман, по мнению исследователей, – «это нашедший себе литературное выражение отклик человеческого существа на давление «нового порядка» [4, с. 219]. Основным методом, используемым «власть имущими» в антиутопическом государстве для поддержания «идеального порядка», является террор. Но он не властен над человеческим «Я» – герой антиутопии не соглашается с данным мироустройством. Выступая в роли нонконформиста, он не смешивается с безликой массой, а утверждает уникальность своей личности. В утопиях, как замечают авторы, человек не свободен. Парадоксально, но достижение и установление «Золотого века» не приводит к всеобщему счастью. И хотя теоретики утопии апеллируют к «податливости человеческой природы», но «человека можно испортить, но переделать его нельзя» [4, с. 230].

Рассматривая утопию как социокультурный феномен, А. Баталов в книге «В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах» разделяет утопию и ее модификационные формы – контрутопию, негативную утопию (выраженную в виде какотопии и дистопии) и антиутопию. Так, контрутопия, по мнению автора, – утопия, вступающая в полемику с социальным идеалом (к ней он относит, в частности, «Утопию» Т. Мора); негативная утопия – утопия, предметом изображения которой является нежелательный мир (например, «Багровое царство» Д. Перри), а «антиутопия – это не просто спор с утопией, это ее принципиальное отрицание... Причем это зачастую отрицание утопии утопическими же средствами, то есть произвольное конструирование образов нежелательного мира, призванных отбить у читателя всякую охоту изобретать, а главное – пытаться осуществить утопические проекты» [1, с. 264–265]. Антиутопии рождаются из кризиса и в кризисное время. Характерной особенностью антиутопии является наличие не только критического, но и самокритического аспекта. Антиутопия выполняет следующие основные функции антиутопии: критическую, нормативную, социально-конструктивную, когнитивную, предупреждающую, психотерапевтическую, манипулятивную. Недостатком утопии автор считает сужение человеческой личности. Утопический мир нединамичен, статичен, так как в итоге утопия всегда есть «мертвое царство».

По мнению В. Шестакова, воплотившая в себе такие черты, «как осмысление социального идеала, социальная критика, стремление бежать от мрачной действительности, а также попытки предвосхитить будущее общества» [9, с. 35], утопия – это антитеза действующему строю и образу жизни. Шестаков выделяет следующие виды утопий: рабовладельческие, феодальные, буржуазные и мелкобуржуазные, трактаты о «вечном мире» XVI–XIX вв., педагогические, нравственно-этические и эстетические, научно-технические утопии и утопический социализм. Основной утопический метод познания, по мнению Шестакова, – это воображение, позволяющее рисовать желаемое. К характерным особенностям утопии он относит «намеренный отрыв от реальности, стремление реконструировать действительность по принципу

«все должно быть наоборот», свободный переход от реального к идеальному, гиперболизацию духовного начала» [9, с. 36]. Для западных утопий характерна форма изложения в виде рассказа о путешествии, результатом которого является нахождение идеальной страны (например, «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанелла), для русских же утопий свойственна форма сна (к примеру, четвертый сон Веры Павловны из романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского). Негативная утопия – вид утопии, выполняющий критическую функцию, пародируя будущее, причем будущее нежелательное. Согласно В. Шестакову, для России более характерны «негативные» или «сатирические» утопии, что он связывает с «эсхатологической традицией русской историософии: апокалипсическое видение предполагало ироническое отношение к оптимистическому прогнозу исторических судеб человечества» [9, с. 5].

Критическое исследование феномена антиутопии встречается в работах Б. Ланина. Он считает, что утопия и антиутопия находятся в тесной взаимосвязи. К основным характеристикам антиутопии он относит: квазиоминию; спор либо с самой утопией, либо с утопическим замыслом; псевдокарнавальность, построенную на абсолютном страхе, порождающем атмосферу «антиутопического мира»; карнавальные элементы, выражаемые как в пространственной модели, так и в театрализации действия; эксцентричность и аттракционность героя; ритуализацию жизни; аллегоричность; чувственность и скабрёзность; невозможность сравнения утопии и антиутопии вследствие их «кровного» родства; многообразие различных вставных жанров; вставную «агиографию»; бесчисленные трансформации временных структур; застывшее время; ограниченность пространства антиутопии [7]. Основным конфликтом антиутопии – конфликт между социальной средой и личностью. По мнению автора, «время антиутопии – время расплаты за грехи воплощенной утопии, причем воплощенной в прошлом» [7, с. 161].

Специалист по истории утопической мысли В. Чаликова полагает, что для изучения утопии необходимо определить предмет, что осложняется изменением утопического идеала с течением времени. Чаликова выделяет следующие формы трансформации утопии: экоутопию – утопию гармонии человека и природы; практопию – термин, введенный Э. Тоффлером для обозначения лучшего мира с признанием неидеальности онога; эупсихию – программу стабилизации и гармонизации психического мира человека. Особняком стоят антиутопия как изображение механического существования в идеально-конструированном мире и дистопия как «образ общества, преодолевшего утопизм и превратившегося вследствие этого в лишенную памяти и мечты «кровавую сиюминутность» [8, с. 8]. Отделяя антиутопию от дистопии, автор подчеркивает, что они противостоят друг другу больше, чем позитивной утопии. Так «дистопия ближе к реалистической сатире, всегда обладающей позитивным идеалом, антиутопия – к модернистской, негативистской и отчужденной, к «черному роману»» [8, с. 10]. Авторами дистопий и антиутопий чаще всего являются интеллектуалы, а утопии характерны для людей физического труда. Таким образом, утопии возникают как следствие недовольства действительностью, однако результатом ее реализации могут быть как безответственность, так и «безнравственная мятежность».

Возникновение утопий, согласно С. Шишкиной, происходит вследствие потребности «в конструировании построенной утопического характера», антиутопии же возникают как результат приведения в действие «механизмов диалектического познания мира». Антиутопия – способ выражения самосознания нации, «дискурс которого отличается своеобразно смоделированным хронотопом, специфической функцией художественного слова и направлен на выяснение соотношений внутри триады «человек – цивилизация – общество» с отрицанием возможности утопических идеалов при условии нарушения баланса и гармонии между социумом и его нравственным наполнением» [10, с. 219]. В качестве основных характеристик антиутопии исследователь вычленил аллюзорный хронотоп, индивидуализацию собственного «Я» из коллективного «Мы», диахроническую память топоса антиутопии. В отличие от американ-

ской антиутопии, особенностью которой является изучение и выявление последствий прогресса и компьютеризации для современного человека, для русской антиутопии характерен страх обезличивания человека, смешения его с толпой.

По мнению А. Зверева, немаловажной особенностью утопии является присутствие элемента социальной мифологии, находящего отражение в различных образах идеального мира, выражаемого в различной степени, однако, присутствующего всегда. Осуществление утопии не является благом, так как идеальное мироустройство приводит к тому, что «человеку не обязательно быть добрым, ибо он уже не несет ответственности за что бы то ни было. За решение многих трудных проблем своего прежнего существования он платит высокую цену, отказываясь от важной части того, что всегда считалось признаком истинно человеческого» [6, с. 43]. Так, результатом сбывшейся утопии становится деперсонализация и трансформация общечеловеческих и личностных ценностей.

Исходя из нашего исследования российской социально-критической мысли, мы можем заключить, что утопии есть опасный коллективный миф, предлагающий траектории движения к «человеческой благодати» в ущерб морально-этическим, культурным, личностным и другим подлинным ценностям существования. Под антиутопиями же в российской социальной мысли понимаются различные художественные общественно-политические концепции, направленные на критику идеализированных моделей развития человеческой цивилизации. По мнению отечественных исследователей, за оболочкой идеального мира в утопических проектах скрывается выхолащенное, лишенное осознанного выбора общество стандартизированных индивидов. Антиутопические произведения, напротив, отличает трезвый рациональный взгляд на утопические идеалы. Значимость исследования утопии и антиутопии для социально-философского осмысления человека, на наш взгляд, заключается в выявлении критериев «человечности» того или иного общества, помещенного в жесткий идеологический контекст. Традиционная российская социально-философская критика, основанная на экзистенциально-гуманистических представлениях, дает возможность рассматривать феномен утопии во всей своей полноте и противоречивости, свойственной человеческому обществу.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э. Я. Баталов. – Москва : Политиздат, 1989. – 319 с.
2. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев // Царство Духа и царство Кесаря: сборник. – Москва : Республика, 1995. – С. 288–356.
3. Бодрийяр Ж. Америка / Ж. Бодрийяр. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2000. – 206 с.
4. Гальцева Р. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопии / Р. Гальцева, И. Роднянская // Новый Мир. – 1988. – № 12. – С. 217–230.
5. Достоевский Ф. М. Записки из подполья: Повесть / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. – 256 с.
6. Зверев А. Крушение утопии / А. Зверев // Иностранная литература. – 1988. – № 11. – С. 40–43.
7. Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии / Б. Ланин // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 154–163.
8. Чаликова В. А. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / В. А. Чаликова. – Москва.: Прогресс, 1991. – 405 с.
9. Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: (Очерки русской философии и культуры) / В. П. Шестаков. – Москва : ВЛАДОС, 1995. – 208 с.
10. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / С. Г. Шишкина. – Иваново : Ивановский государственный химико-технологический университет, 2009. – 230 с.
11. Шишкина С. Г. К вопросу об особенностях литературных жанров социальной прогностики: утопия – антиутопия – научная фантастика. Век XXI / С. Г. Шишкина // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. – 2012. – № 5. – С. 23–30.

References

1. Batalov E. Ya. *V mire utopii: Pyat dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskikh eksperimentakh* [In the World of Utopia: Five Dialogues about Utopia, Utopian Consciousness and Utopian Experiments], Moscow, Politizdat Publ., 1989. 319 p.
2. Berdyayev N. A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [Kingdom of the spirit and the kingdom of caesar]. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [Kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar], Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 288–356.
3. Bodriyyar Zh. *Amerika* [America], Saint-Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2000. 206 p.
4. Galtseva R., Rodnyanskaya I. *Pomekha – chelovek. Opyt veka v zerkale antiutopii* [The Interference is a man. The experience of century in the mirror of dystopia]. *Novyy Mir* [New World], 1988, no. 12, pp. 217–230.
5. Dostoevskiy F. M. *Zapiski iz podpolya* [Notes from the Underground], Saint-Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 256 p.
6. Zverev A. *Krushenie utopii* [Crash of utopia]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1988, no. 11, pp. 40–43.
7. Lanin B. *Anatomiya literaturnoy antiutopii* [Anatomy of the Literary Dystopia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 1993, no. 5, pp. 154–163.
8. Chalikova V. A. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie* [Utopia and utopian thinking], Moscow, Progress Publ., 1991. 405 p.
9. Shestakov V. P. *Eschatologiya i utopiya: (Ocherki russkoy filosofii i kultury)* [Eschatology and Utopia. (Essays on Russian philosophy and culture)], Moscow, VLADOS [Publ.], 1995. 208 p.
10. Shishkina S. G. *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoy antiutopii v XX veke* [Origins and transformation of the genre of literary dystopia in 20th century], Ivanovo, Ivanovo State University of Chemistry and Technology Publ. House, 2009. 230 p.
11. Shishkina S. G. *K voprosu ob osobennostyakh literaturnykh zhanrov sotsialnoy prognostiki: utopiya – antiutopiya – nauchnaya fantastika. Vek XXI* [On the features of literary genres social prognostics: Utopia – dystopia – science fiction. Century XXI]. *Vestnik gumanitarnogo fakulteta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Faculty of Humanities of Ivanovo State University of Chemistry and Technology], 2012, no. 5, pp. 23–30.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ
В ПЕРИОД X-ой ЛЕГИСЛАТУРЫ МАРИАНО РАХОЯ (2011–2014 гг.)**

Косяк Елена Владимировна, аспирант

Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: elenakosyak2008@ya.ru

В 2011 г. на всеобщих выборах в Испании побеждает Народная партия во главе с Мариано Рахоем. Перед победившей партией стоит серьезный комплекс внутриполитических и внешнеполитических задач в русле общей стратегии по выведению страны из затяжного экономического кризиса, созданию благоприятных внешних условий для долгосрочного социально-экономического развития страны и укреплению позиций Испании на международной арене. Вместе с тем, реализация поставленных задач не возможна без проведения глубинных реформ, обусловленных международной конъюнктурой и последствиями дальнейшего развития европейской интеграции. В этих условиях правительство Рахоя предпринимает попытки адаптировать внешнюю политику и организовать дипломатическую службу в соответствии с требованиями времени и исходя из расширенной внешнеполитической повестки дня, сохранив при этом традиционные направления внешней политики. В результате проведенных реформ Рахоем удастся не только укрепить приоритетные внешнеполитические связи и расширить сферу своих геополитических интересов, но и заполнить правовой вакуум в области регулирования внешнеполитической деятельности и основ дипломатической службы и Испании.

Ключевые слова: современная внешняя политика Испании, направления внешней политики Рахоя 2011–2014